

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 360-369. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.360
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century

Maxim N. Krot ^{a, b, *}, Natalia V. Dmitrieva ^{a, b}

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

This article presents an analysis of the views of conservative social idea representatives of the Russian Empire concerning the policy of the crown in the borderlands of the country in the second half of the XIX – beginning of the XX century. The authors link the appeal of Russian thinkers to these problems with two inextricable processes that characterize and determine the development of the Russian Empire in the next period: the modernization and completion of the construction of the imperial state. The crown was forced to search for a response to the nationalism pressure that was heated by the general modernization processes and develop a system of interaction with local elites corresponding to these challenges. The formation of a model for building the relationship between the center and the national suburbs took place with the active participation of the conservatively oriented public. The authors analyzed the main works on the problem identified by the leading representatives of the Russian conservative thought of the second half of the XIX – early XX century. (MN Katkov, LA Tikhomirova, KN Leontiev, SF Sharapov, KF Golovin), which led to the conclusion that they have a critical attitude to government policy in the national suburbs during the period under study. In their works designated representatives of social thought called for adherence to the principle of moderation, selectivity and gradualness in solving the national question. The authors come to the conclusion that absence of common point of view on this issue both in the national conservative doctrine and in the governmental circles in charge of managing the country's borderlands was due to a combination of the strive to protect imperial unitarian values that form the basis of russification policy and the principles of classes and elitism that neither the authorities nor their conservative opponents were ready to give up at the analyzed period.

Keywords: russification, conservatism, public opinion, Russian conservative thought, M.N. Katkov, L.A. Tikhomirov, national borderlands, national politics, Russian Empire, modernization.

1. Введение

Развитие Российской империи на всем протяжении ее истории определялось двумя разнонаправленными процессами – имперским и модернизационным. Сосуществуя и взаимно дополняя друг друга, данные процессы по целому ряду основополагающих показателей вступали между собой в острые противоречия. В эпоху активизации модернизационных преобразований и роста национализма под ударом оказывались основные сущностные черты имперской системы управления – универсализм и гомогенность. Во второй половине XIX – начало XX вв. традиционная имперская политическая система перестала отвечать требованиям современности, что делало чрезвычайно актуальным вопрос ее реформирования. Формирование концепции преобразований происходило при деятельном участии общественности.

Усиление националистических тенденций и, как следствие, изменение политики царского правительства по отношению к национальным окраинам в последние десятилетия XIX века

* Corresponding author

E-mail addresses: mnkrot@sfedu.ru (M.N. Krot), nvdmirteva@sfedu.ru (N.V. Dmitrieva)

определялось сложным комплексом субъективных и объективных причин. В первую очередь это было обусловлено наметившимся после вступления на престол Александра III поворотом к реализации консервативно-охранительной концепции внутриполитического развития, одним из важнейших элементов которой была идея построения национальной монархии. Помимо этого, ужесточение национальной политики стало своеобразным административно-бюрократическим ответом на вызов пробуждавшегося национального сознания народов, населявших окраины Российской империи, многие из которых в той или иной степени начинали сопротивляться ассимиляторским усилиям центра. Следует отметить, что на протяжении всего XIX и начала XX столетий именно страны Восточной Европы испытали на себе процесс нациестроительства, выявивший самые болевые точки формирования идеи нации (Apyshchenko, 2016: 83). Происходило формирование национальных интеллектуальных элит, в среде которых усиливался интерес к прошлому своих народов, ширилось стремление к получению образования, развитию собственных литературных языков, то есть развивались процессы становления национального самосознания, которые вызывали обеспокоенность имперской администрации, усматривавшей в данных тенденциях зарождение идей национальной самостоятельности и сепаратизма.

Нельзя сбрасывать со счетов и объективные социально-экономические факторы, связанные с ускорением процесса капиталистического развития страны (Дякин, 1998: 27), а также с интеграционными процессами в экономике, все более активизировавшимися миграциями населения, требовавшими единого правового и культурного пространства (Корелин, 2011: 31). Быстрое экономическое развитие окраин обуславливало стремление имперских властей защитить интересы коренного русского дворянства и буржуазии от конкуренции представителей инородческих элит, зачастую обладавших большим экономическим, образовательным и культурно-интеллектуальным потенциалом.

Имперские власти вынуждены были искать ответ на вызов национализма, актуализированный общими модернизационными процессами, происходившими в России в эпоху Великих реформ и в пореформенный период. Таким ответом становится комплекс мер, объединяемых под общим условным наименованием «политика русификации» национальных окраин, реализация которых российским правительством значительно активизировалась в последние десятилетия XIX века.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи составили теоретические работы представителей консервативной мысли России конца XIX века по национальной проблематике и вопросам русификации, а именно труды К.Н. Леотьева «Племенная политика, как орудие всемирной революции» (Леонтьев, 1912), Л.А. Тихомирова «Русское дело и обрусение» (Тихомиров, 1997), С.Ф. Шарапова «Самодержавие и самоуправление» (Шарапов, 2010), а также статьи выдающегося российского публициста этого периода – М.Н. Каткова, представляющие собой передовицы центральной консервативно ориентированной газеты второй половины XIX века «Московские ведомости».

Методологическую основу данной статьи составили классические методы исторического исследования: историко-генетический и историко-сравнительный (компаративный) методы, а также методы интеллектуальной истории. Использование историко-генетического метода позволяет выявить исторические основы сформулированных авторами консервативного направления общественной мысли принципов и подходов определения имперской политикой в национальных регионах. Применение компаративистского метода позволило выявить сходство и отличие подходов в решении национального вопроса различными представителями консерватизма второй половине XIX в. Подход к изучению наследия консерваторов с точки зрения интеллектуальной истории позволяет проследить этапы формирования и развития их теоретических концепций решения национального вопроса.

3. Обсуждение

В настоящее время понятие «русификация», а также обозначаемый им комплекс мер царского правительства является объектом оживленной научной дискуссии, общий вектор которой направлен на расширение и усложнение трактовки процессов, охватываемых данным понятием, отказ от априорных негативно-оценочных коннотаций при его использовании.

Первоначально изучение данного понятия развернулось в зарубежной науке. Самое широкое определение было дано Б. Андерсоном: «Русификация разнородного населения царских владений представляла собой ... насильственное, сознательное сваривание двух противоположных политических порядков, один из которых был древним, а другой – совершенно новым» (Андерсон, 2001: 108). Автор использует термин «русификация» не только применительно российской национальной политике, но также в качестве общего определения подобного рода явлений.

Интересен анализ термина «русификация», предложенный Э. Таденом, с точки зрения дореформенного русского языка, который в некотором отношении был лучше приспособлен к описанию содержательной эволюции данного понятия. Э. Таден пишет, что «до середины XIX в. непреходная форма глагола русифицировать (*обрусеть*) в основном использовалась в значении

«стать русским», как противопоставление с поздней и более активной формой *обрусить* или «делать русскими» (Thaden, 1981: 3).

А. Каппелер придерживается мнения, что русская национальная политика, до XIX века носившая «органический» характер, постепенно вошла в русло европейского колониализма, основанного на «европоцентристском чувстве превосходства», осуществлявшего цивилизаторскую миссию путем непосредственного управления национальными окраинами (Каппелер, 2000: 85). Понятие «русификация» должно применяться исключительно по отношению к языковой культурной ассимиляции нерусских этносов, не затрагивая административную и социальную сферы национальной политики (Каппелер, 2000: 183).

Сегодня большинство исследователей придерживается мнения о разнородности рассматриваемого явления. Многие делят русификацию на культурную и административную. Под первым термином в этом случае понимаются усилия по расширению сферы влияния русского языка и культуры за счет языков и культур других народов Российской империи. Под вторым – меры, направленные на централизацию власти и ликвидацию самоуправления (соответственно, по собственным законам и обычаям) приграничных провинций (Chimiak, 1999: 42-43).

Современные исследователи характеризуют русификацию как частный случай ассимиляции, представляющий собой целенаправленное, осознанное освоение элементов русской культуры, который может сочетать в себе принудительные и добровольные механизмы (Пулькин, 2005: 107-108). Отмечается, что данная политика была направлена на передачу некоторых элементов титульной нации остальному населению империи, которое в стратегической перспективе должно было полностью поглотиться государственным этносом (Хасин, 2011: 177). Другие исследователи вслед за А. Каппелером суть русификаторской политики склонны усматривать преимущественно в распространении в национальных окраинах русского языка, который с середины XIX века стал оцениваться как важнейший инструмент формирования патриотизма и надэтнического единства народов в составе Российской империи (Сумарокова, 2016: 126-127).

Теоретические аспекты «русификации» в российской историографии достаточно подробно разработаны А.И. Миллером, указывающим на неадекватность историческим реалиям однотипного определения русификации как единообразной модели ассимиляционной политики царского правительства. Отстаивая необходимость ситуационного подхода к проблеме русификации, и отрицая наличие единой русификаторской политики в рамках империи, в целях избегания чрезмерно расширительного определения рассматриваемого термина, Миллер предлагает лишь самое общее ограничение в его применении, относящееся лишь к тем действиям, которые направлены на стремление сделать кого-то русскими или кого-то стать русским (Миллер, 2006: 61).

Развивая данный подход, ряд исследователей указывает на то, что имперская политика русификации носила выборочный характер и направлялась, прежде всего, на те регионы, которые оценивались властями как превосходящие русское население в культурном отношении и где положение империи было непрочным и нуждалось в укреплении. При этом предлагается выделение в рамках русификаторской политики «культурного» и «имперского» направлений (Круглый стол, 2002: 430). Следует заметить, что предлагаемое разграничение направлений русификации является отнюдь не оригинальным, поскольку оно было предложено еще в конце XIX в. русским консервативным мыслителем Л.А. Тихомировым в рамках отстаиваемой им умеренно-консервативной концепции решения национального вопроса.

4. Результаты

В середине XIX века в России начинается второй этап модернизации, направленный на осовременивание государственных и общественных структур, приведение их в соответствие с западноевропейскими стандартами развития того времени. Одновременно и в тесной связи с этим процессом происходит дальнейшее становление русской общественной мысли, которая постепенно превращается в духовную и интеллектуальную силу, полностью игнорировать мнение которой власть уже не могла.

Происходившие в стране преобразования, чреватые не только осовремениванием, но и, в перспективе, полной реорганизацией существующего политического и социального строя порождали консервативную реакцию, усиление в общественном сознании консервативного императива, благодаря которому инновации осмысливались и усваивались через своеобразные «фильтры» представлений об идеальном устройстве государства и общества. Консерватизм, существовавший как «вневременная действительная система универсальных ценностей», в период трансформаций, нарушающих привычную модель развития социума, грозящих потерей собственной идентичности, утрачивает свой латентный характер. Происходит рефлексия консервативного мировоззрения, превращение его в идеологическую систему, особое направление общественно-политической мысли, являвшееся интеллектуальной реакцией на происходящие в стране бурные модернизационные процессы (Krot, 2013: 103). Однако неверно утверждать, что правительственная политика данного периода во всем соответствовала консервативной доктрине. По целому ряду внутривластных, социальных, экономических вопросов их позиции могли существенно различаться, что порождало

острую критику «справа» как методов реализации тех или иных правительственных проектов, так и самой направленности политики властей.

Одной из таких спорных точек была политика властей на национальных окраинах империи. Несмотря на то, что национализм и идея единого и неделимого Российского государства, в котором политическое господство принадлежало бы русскому народу, занимали важное место в концепции консерваторов, они далеко не однозначно одобрительно относились к жесткой и прямолинейной политике имперской власти в отношении инородческих окраин, как это утверждалось во многих исследованиях (*Русский консерватизм XIX столетия, 2000: 337*).

Следует заметить, что вплоть до революционных событий 1905–1907 гг. национальный вопрос в русской консервативной мысли не выступал самостоятельным объектом рассмотрения. Его решение рассматривалось в неразрывном контексте с обсуждением иных социальных-экономических и внутриполитических проблем – крестьянского, земского, дворянского вопросов, проблемы расширения прав местного самоуправления.

Одним из первых в русской консервативной мысли к проблеме национальных окраин обратился М.Н. Катков в контексте всколыхнувшего российскую общественность в 1863–1864 гг. «польского вопроса». Находясь в непосредственном контакте с людьми, реализовывавшими политику русификации в западных национальных окраинах в этот период, он мог получать информацию из первых рук, анализировать ее и представлять на суд российской общественности. В письме М.Н. Муравьеву-Виленскому, известному участнику польских событий 1863–1864 гг., Катков пишет: «Всякая весть отсюда ожидается с величайшим нетерпением, и правильная хроника событий, записываемая способным пером и совершающихся в том духе и смысле, который по убеждению всех сообщит им Ваше управление, были бы истинной услугой для отечественного дела» (*ОР РГБ. Ф. 120. К. 49. Д. 45. Л. 1-10б*). Именно он заложил концептуальные основы консервативной «русской идеи», суть которой состояла в выдвинутой им формуле: «Россия может иметь лишь одну государственную национальность», трактуемую не в этническом, а в политическом смысле (*Катков, 1898а: 258*).

При этом следует отметить, что Катков М.Н. в своих многочисленных публикациях по данному вопросу никогда не призывал к полной унификации национальных окраин, к подавлению их социокультурных особенностей. В 1882 г. в обращении к императору Александру III он писал: «Требуется начать дело с оснований. Чтобы оно получило серьезное значение необходимо в римско-католических семинариях западного края воспитывать на русском языке духовенство из местных элементов. Рядом с русским языком можно безопасно преподавать и литовский» (*ОР РГБ. Ф. 120. К. 47. Л. 550б*). Многочисленные передовицы «Московских ведомостей» авторства М.Н. Каткова проводили и в общество схожую мысль: «Культурные особенности, не заключающие в себе ничего антинационального и никакого антагонизма с устоями русской государственной системы, должны быть уважены, как элемент живого органического разнообразия в общей национальной жизни великого целого» (*Катков, 1898b: 339*).

Однако наиболее взвешенная позиция в рамках консервативной модели решения национального вопроса, облаченная не в публицистическую, а в философско-теоретическую форму, принадлежала Л.А. Тихомирову.

Консервативный мыслитель указывал на неприемлемость двух крайностей, в равной степени пагубных для России, состоявших либо в уравнивании всех национальностей империи в правах, либо в их насильственной русификации. В целом ряде своих публикаций, полемизируя с философом В. Соловьевым, отстаивавшим принципы национального и религиозного равноправия, Тихомиров доказывал, что реализация данной идеи неизбежно приведет к «упразднению России» как единого государства. В то же время, Тихомиров выступает против насильственной русификации и жестких ограничительных мер по отношению к населению национальных окраин, указывая, что тяга к подобному рода действиям порождается сепаратистскими настроениями инородцев и ущемлением прав русских на окраинах. Но что породило сами подобные настроения и устремления? По мнению мыслителя, это стало следствием собственных ошибок и непоследовательности в проведении национальной политики, которая колеблется от одной крайности к другой. При этом, истинно русская национальная политика, по мнению Тихомирова, заключается в том, что открывает путь для добровольного слияния всех наций империи и предоставляет множество компромиссных вариантов для тех, кто такому слиянию, по тем или иным причинам противится (*Тихомиров, 1997: 543*). Вопреки расхожему мнению, Тихомиров не только не был сторонником националистического девиза «Россия для русских!», но и выступал с его резкой критикой, подчеркивая, что этот лозунг больше подходит слабым, немногочисленным, «замирающим» нациям, борющимся за выживание. Россия живет не только для себя. Высший смысл и преимущество ее национальной политики заключается в том, что она направлена не только на защиту русских национальных интересов, но и интересов любой «вверенной ему Богом народности во всех случаях, когда та имеет за себя правду».

Л.А. Тихомиров предлагал строго разграничивать понятия русификации государственной и национальной, усматривая в неразделенности рассматриваемого термина причину многих недоразумений и откровенных конфронтаций между имперским центром и национальными окраинами. Государственная русификация состоит, по его мнению, в политической лояльности, поддержке государства и правящего режима, сохранении государственной целостности, знании

государственного языка и является обязательной для всех народностей вне зависимости от их воли. В то же время, государственное обрусение ни в коем случае не предполагает посягательства на местные национальные особенности, язык, вероисповедание, бытовой уклад. Напротив, в случае строгого исполнения инородцами всех обязанностей государственного единения, долгом имперских властей является охранение их национальной самобытности до «тех пор, пока нерусская национальность сама не пожелает становиться национально русской» (Тихомиров, 1997: 547-548).

Национальная же русификация, предполагающая присоединение к вере, быту, образу мыслей русского народа, по мнению Тихомирова, требует исключительно собственного желания и добровольного побуждения. Национальные окраины, «присоединенные к империи силой оружия или трактатами» должны сливаться с русским народом только в государственном смысле, но «совершенно вольны жить по своим национальным особенностям» (Тихомиров, 1997: 548). Национальная русификация может проводиться только по отношению к народам, не обладающим национальным самосознанием. Применение же подобной политики по отношению к развитым народам возможно только в качестве наказания, но никак не может рассматриваться как способ совместного существования (Тихомиров, 1997: 547).

Таким образом, Тихомиров указывал на необходимость отказа от единого шаблона при проведении национальной политики, которая должна выстраиваться сообразно уровню культурного и политического развития инородческой окраины и степени ее лояльности имперскому центру.

Видный общественный деятель консервативной направленности, талантливый публицист и писатель, один из идеологов охранительного движения конца XIX – начала XX вв. К.Ф. Головин отмечал, что в 80–90-е гг. XIX века в консервативных кружках и салонах велись оживленные дискуссии по вопросу о характере и методах ведения национальной политики. Данные дебаты проходили, в том числе и в салоне самого общественного деятеля – на «средах Головина», которые посещались представителями высшей аристократии, крупными бюрократами и общественными деятелями. Хозяин салона указывал на то, что мнения по национальной проблеме были неоднозначными и разделялись на две точки зрения: умеренно-взвешенную и откровенно реакционную (Солоусов, 2006: 104). Сам Головин придерживался умеренной позиции в национальном вопросе, подвергая критике русификаторскую политику властей в том виде, в котором она проводилась в период царствования Александра III, поскольку в ее основе лежало насилие, которое не только допускалось, но и признавалось вполне законным (Головин, 1910: 116). Попытки механического слияния абсолютно разных по своему культурному развитию, бытовому укладу национальных окраин публицист образно называл стремлением «навязать русский тулуп всем инородческим национальностям, православного попа всем иноверцам, русский язык всем говорящим на иных языках, наконец, русским становым заменить всё исторически сложившиеся по окраинам местное управление» (Головин, 1910: 117).

Не выступая против политики русификации в принципе, Головин осуждал ее крайне грубый, неумелый, прямолинейный характер, ведущий к обратному эффекту, способствуя усилению антирусских и сепаратистских настроений. В частности, анализируя мероприятия, проводимые правительством Александра III в Остзейском крае, он указывал на их мелочный, насильственный, а порой и откровенно бестактный характер. Во второй половине 1880-х годов в регионе была проведена серия реформ в области местного управления, судопроизводства, образования, направленных на ограничение автономии Остзейских губерний, распространение здесь общеимперского законодательства, православия и русского языка. Концепция преобразований была разработана сенатором Н.А. Манасеиным на основе результатов проведенной им в 1882–1883 годах крупной ревизии края, итоги которой он изложил в обширном рапорте на имя Александра III (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553, 554). По мнению Головина, данные мероприятия могли быть вполне успешными, если бы проводились мягко, постепенно, «с тактом», ориентируясь в первую очередь на привлечение местного населения к общеимперским нормам и ценностям, а не на подавление местных традиций.

Аналогичной позиции, состоящей в принципиальной поддержке сущности русификаторской политики и острой критике неумелых и грубых форм ее реализации, придерживались не только представители русской общественности, но и многие крупные государственные деятели, такие как П.А. Валувев, И.И. Воронцов-Дашков, А.А. Половцев, Н.П. Гиляров-Платонов (Русский консерватизм XIX столетия, 2000: 338).

Своеобразной «критике справа» политику русификации подвергал один из виднейших представителей русской охранительной мысли второй половины XIX века К.Н. Леонтьев. Угроза, таившаяся, по его мнению, в проведении данной политики была обозначена им в самом заглавии сочинения, в котором была изложена его концепция – «Национальная политика как угроза всемирной революции». Данное название вызвало ряд критических замечаний и недоразумений, что заставило Леонтьева при публикации собрания своих сочинений откорректировать название, сменив слово «национальная» на «племенная». Главный тезис, красной линией проходящий не только через это, но и другие сочинения мыслителя по данному вопросу, состоял в том, что «движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации» (Леонтьев, 1912: 150).

Указывая на то, что национализм, широко распространившийся в Европе в XIX столетии ведет к унификации социального пространства, культурному обезличиванию, стиранию национальных особенностей и этнографического своеобразия, Леонтьев отмечал, что, начиная с 1860-х годов и в русском обществе, и в правительственных кругах «племенные чувства начинают брать верх над государственными инстинктами», что напрямую связывалось им с происходившими в стране процессами эмансипации (Леонтьев, 1912: 169). Эгалитарно-либеральному национализму мыслитель противопоставляет «национализм настоящий оригинальный, обособляющий и утверждающий национальный дух и национальные формы» (Леонтьев, 1912: 189). Подвергая критике русификаторскую политику властей в национальных окраинах, Леонтьев акцентирует свое внимание не на отдельных недостатках, непродуманности или грубости при её реализации, о чем писали многие государственные деятели и представители общественности, а на ее принципиальной ошибочности. Консервативный мыслитель утверждал, что под эгидой русификации российская администрация проводит «жидкую, бледную, нивелирующую европеизацию», поскольку не может предложить национальным окраинам ничего «своего», «самобытного», подходившего бы им (Леонтьев, 1886: 187). Единственным элементом русификаторской политики, не вызывающим критики Леонтьева, является распространение русского языка, который он называл «лучшим средством прикрепления иноверцев к России» (Леонтьев, 1886: 187-188). Исходя из всего вышесказанного, мыслитель призывал не проводить нивелирующую окраины русификацию, представляющую собой их «демократическую европеизацию», которая не имеет ничего общего с высокой идеей «православно-культурного руссизма», а «стремиться к самобытности духовной умственной и бытовой», чтобы стать живым примером для других народов (Леонтьев, 1912: 189).

Критика Леонтьевым политики русификации представляет собой яркий пример проекции консервативно-охранительной социально-политической доктрины, которой придерживался мыслитель, на его воззрения относительно проблемы национальных окраин. Острые его критики направлены не столько на национальную, сколько на внутреннюю политику российской администрации, результатом которой стало не только укрепление либеральных институтов в коренных русских губерниях, но и стремление распространить их на окраины.

Оригинальную модель взаимодействия имперского центра с национальными окраинами в контексте вопроса о совершенствовании системы государственного управления империей предложил С.Ф. Шарапов – консервативный мыслитель, развивающий славянофильские идеи. В своей известной работе «Самодержавие и самоуправление», вышедшей в 1899 году, он предлагал широкую политическую и административную реорганизацию страны в сторону формирования особого государственно-земского строя (Шарапов, 2010: 30-31).

Согласно данной концепции, страна должна разделяться на несколько крупных территориальных земских областей, обладающих самоуправлением, но подчиняющихся общеимперскому законодательству. Предлагалось создать двенадцать «коренных русских» областей и шесть «инородческих». По мысли автора, такое разделение, с одной стороны, будет способствовать укреплению самодержавия, реализуемого «во всей своей полноте» и освобожденного от бюрократической узурпации, с другой – позволит более эффективно учитывать региональную окраинную специфику при организации местного самоуправления, что не только не ослабит, но, напротив, укрепит связи между имперским центром и периферией (Шарапов, 2010: 39-40). Шарапов подчеркивал, что проведение единой политики по отношению к инородческим окраинам России, чрезвычайно разнообразным в этнографическом, социальном и культурном плане, принципиально невозможно, как невозможно и их единообразное управление и устройство.

Так, Шарапов выступал против какой-либо русификации Финляндии и Польши, указывая, как на бесперспективность усилий в этом направлении, так и на прямой вред данной политики для русского населения, которое может подвергаться эксплуатации более развитых в культурном и экономическом отношении финнов или поляков (Шарапов, 2010: 46-47). По его мнению, следует в большей степени заботиться об изоляции данных окраин от России, нежели создавать там «искусственных русских», что может превратить Финляндию во «вторую Польшу», а в самой Польше еще более усилить русофобские настроения среди местной элиты и интеллигенции. Шарапов предлагал восстановить таможенную черту между Польшей и Россией и передать Царству Польскому части Ковенской, Виленской и Гродненской губерний с преобладающим там польско-литовским населением, исповедующим католицизм. Такое продвижение польской этнографической границы вглубь империи, оправдывается тем, что в данных районах польская ассимиляция гораздо сильнее русской и литовцы добровольно тяготеют к Польше, а также тем, что это позволит усилить русские культурные элементы в соседней Литовско-Белорусской области (Шарапов, 2010: 47).

Ни о каких попытках русификации Кавказа и Средней Азии Шарапов даже не упоминает. По его мнению, в этих окраинах вследствие либо «малокультурности» местных жителей (Средняя Азия), либо наличия острых противоречий между народностями, ни один из которых не имеет преимуществ в регионе (Кавказ), русский элемент «как культивирующий и управляющий» должен иметь «явное и полное преобладание» в местном управлении. Во избежание межэтнических споров и конфликтов в администрации, самоуправлении, суде и школе должен господствовать русский язык, что предотвратит возможность усиления одной народности за счет другой (Шарапов, 2010: 51-52).

Наиболее острая полемика в русской консервативной мысли развернулась по вопросу о том, на какие социальные круги следует опираться имперскому центру в национальных окраинах, дабы укрепить целостность империи и противодействовать сепаратистским настроениям.

Большая часть консерваторов в силу особенностей отстаиваемой ими доктрины сословности и социального неравенства, выступали за опору на традиционные местные элиты, лояльные верховной власти. Вследствие этого, острой критике подвергались любые устремления имперских властей ослабить местные элиты за счет искусственного создания контрэлит, либо усиления местных демократических сил, которые должны были стать союзниками центра в борьбе против сепаратистских тенденций.

Так, Головин подвергал критике деятельность Н.А. Манасеина, который во время проводимой им ревизии, якобы стремился к заключению «тесного союза между русскими чиновниками и местными кружками из латышской интеллигенции», которые «науськивались на немецких баронов». Тенденцию поощрения региональных радикальных сил, принимающих это заигрывание за попустительство и ни в коей мере не становящимися проводниками русской политики, консервативный мыслитель считал пагубной (Головин, 1910: 123).

Такой же позиции придерживался и Леонтьев, подчеркивавший, что окраинная аристократия, верная российскому престолу, имеет огромные преимущества перед местными демократическими слоями. По мнению Леонтьева, в укреплении существующего политического строя и защите православия, делу которого лояльная местная знать невольно служила долгие годы, «один остзейский породистый барон стоит целой сотни эстского и латышского разночинства» (Леонтьев, 1912: 157). Главная задача центральной власти состоит в том, чтобы не допускать излишней эксплуатации низших инородческих слоев высшими, что может спровоцировать социальную борьбу на окраинах.

Однако ряд консервативных мыслителей были сторонниками подчинения общегосударственным целям интересов местных элит, что не исключало их ослабления, использование противоречий между местными этно-социальными группами, а также опору на местные демократические круги.

М.Н. Катков еще в 1860-е годы осуждал имперскую власть за заигрывание с инородческим дворянством окраин, поощряемым «единственно потому, что они не русские, а туземцы», за его активное привлечение к государственной службе, а также за его усиление и создание в тех окраинах, где оно отсутствовало, либо было слабым. Публицист подвергал критике предоставление инородческому дворянству широких прав в отношении местного населения, что вызывало его недовольство и порождало брожения (Катков, 2011: 247-248).

Сдержанной позиции в отношении инородческой элиты придерживался и В.П. Мещерский, являвшийся сторонником добровольной ассимиляции национальных окраин на религиозной основе. Рассматривая в своих статьях религиозные процессы, происходившие в Прибалтике, он призывал не идти на поводу у местных аристократов-лютеран, препятствующих обращению местных жителей в православие (Гражданин. 1885. № 74). Имперские интересы консервативный публицист ставил выше сословных, подчеркивая, что права окраинной аристократии могут быть ущемлены, если они вступают в противоречие с общегосударственными нуждами.

По мнению С.Ф. Шарапова, на западных и северо-западных окраинах империи именно народные массы и представлявшие их демократические круги являются наиболее надежной опорой центральной власти, в отличие от местной аристократии, отстаивавшей исключительно свои корпоративные интересы. Именно поэтому он призывал усиливать русский элемент в Литве и Белоруссии, активно опираясь на крестьянство, а в Прибалтике призывал ограничивать «архаические привилегии немецкого рыцарства и бюргерства» путем поднятия местного эстонско-латышского элемента (Шарапов, 50-51).

Отсутствие единой точки зрения по данному вопросу, как в отечественной консервативной доктрине, так и в правительственных кругах, непосредственно занимавшихся управлением национальными окраинами, было обусловлено сочетанием стремления отстаивать имперские унитаристские ценности, лежащие в основе политики русификации, с сословно-элитаристскими принципами, от которых ни власть, ни её консервативные оппоненты в рассматриваемый период были не готовы отказаться.

5. Заключение

Таким образом, вторая половина XIX – начало XX вв. в истории Российской империи связана с двумя определяющими процессами – модернизацией и завершением формирования имперского государства. С другой стороны, для этого периода характерны распространение в России европейской идеи национального государства и рост национального самосознания у народов, населявших окраины полиэтнической империи. Наложение вышеобозначенных процессов привело имперские власти к необходимости обновления, а иногда и формирования совершенно новых траекторий взаимодействия с национальными регионами. Представители консервативной общественной мысли, несмотря на поддержку лозунга о единой и неделимой России, зачастую критиковали насильственные методы русификации окраин, однако, не отказываясь от нее полностью.

Они призывали придерживаться принципа умеренности, избирательности и постепенности при решении национального вопроса. В своих критических оценках русские консерваторы подчеркивали низкий профессиональный уровень правящей имперской элиты, которая была не готова справляться со все усложняющимися вызовами времени и выстраивать гибкую, разноплановую национальную политику, отдавая предпочтение жестким прямолинейным решениям, возбуждавшим недовольство населения окраин и провоцировавшим возникновение и усиление радикальных, сепаратистских настроений.

Вторым направлением, которое возможно выделить в возникших дискуссиях о политике на национальных окраинах, является вопрос о социальной опоре самодержавия. Традиционное сотрудничество с местными элитами как один из краеугольных принципов имперской национальной политики к концу XIX века начал давать сбои и приводить к отрицательным последствиям. Часть консервативно ориентированной общественности стала выступать за смену ориентиров и сотрудничество с национальными демократическими кругами. Данный факт свидетельствует о преобладании имперского восприятия консерваторами сложившейся ситуации над ее сословной составляющей, приоритетности общегосударственных нужд.

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации поддержанного Российским научным фондом проекта 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Литература

Андерсон, 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Головин, 1910 – Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. II. СПб.: Типо-литография Т-ва «Свет», 1910. 274 с.

Гражданин, 1885, № 74 – Гражданин. 1885. № 74. 24 октября.

Дякин, 1998 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: «ЛИСС», 1998. 1000 с.

Каппелер, 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция – Прогресс: Традиция, 2000. 342 с.

Катков, 2011 – Катков М.Н. Сепаратизм на Кавказе и в Закавказье есть следствие слабости национального духа во внутренней политике России // *Собрание сочинений. Т. 2.* СПб.: Росток, 2011. 896 с.

Катков, 1898a – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1882. М.: Издание С.П. Катковой, 1898. 691 с.

Катков, 1898b – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1886. М.: Издание С.П. Катковой, 1898. 691 с.

Корелин, 2011 – Корелин А.П. «Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов...»: о причинах заката Российской империи // *Вестник РУДН. Сер. История России.* 2011. № 2. С. 23–34.

Круглый стол, 2002 – Круглый стол «Национализм в имперской России: идеологические модели и дискурсивные практики» // *Новое литературное обозрение.* 2002. № 57. С. 426–430.

Леонтьев, 1886 – Леонтьев К.Н. Отрывок из письма об Остзейском крае // *Восток, Россия и славянство. Т. 2.* М.: Типо-литография И.Н. Кушнарева и К., 1886. 420 с.

Леонтьев, 1912 – Леонтьев К.Н. Племенная политика, как орудие всемирной революции // *Собрание сочинений. Т. 6.* М.: Издание В.М. Саблина, 1912. 359 с.

Миллер, 2006 – Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Пулькин, 2005 – Пулькин М.В. Три облика русификации в Карелии // *Вестник Евразии. Независимый научный журнал.* 2005. № 3 (29). С. 107–125.

Русский консерватизм XIX столетия, 2000 – *Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика.* М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

Солоусов, 2006 – Солоусов А.С. Национальный вопрос в России во второй половине XIX – начале XX вв. в трудах консерваторов // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики.* 2006. Т. 6. № 1. С. 101–107.

Сумарокова, 2016 – Сумарокова О.Л. Языковая политика Российской империи и «русификации»: к вопросу о методологии исследования // *Современные тенденции развития науки и технологий.* 2016. № 2-4. С. 122–128.

Тихомиров, 1997 – Тихомиров Л.А. Русское дело и обрусение // Тихомиров Л.А. *Критика демократии.* М.: Москва, 1997. 672 с.

Хасин, 2011 – Хасин В.В. Национальный фактор и традиционное общество в конструировании имперской идеологии в России начала XX века // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2011 № 5. С. 176–180.

Шарапов, 2010 – Шарапов С.Ф. Самодержавие и самоуправление // *Избранное*. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.

Apryshchenko, 2016 – Apryshchenko V.Y. Idea of a nation in Eastern Europe in modern times // *Bylye Gody*. 2016. № 1 (39). pp. 83-89.

Chimiak L. Gubernatorzy rosyjscy w Kro'lestwie Polskim. Szkic do portretu zbioronego. Wroclaw. 1999. 243 p.

Krot, 2013 – Krot M.N. Conservative Protective Program of Development of the Russian Society during the Reign of Alexander II (1860–1880s) // *Bylye Gody*. 2013. № 30 (4). pp. 103-110.

Thaden, 1981 – Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914 / Ed. By Edward C. Thaden. Princeton, NJ: Prinseton Univarcity Press, 1981. 512 p.

References

Anderson, 2001 – Anderson B. (2001). Voobrazhayemyye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origins and the Spread of Nationalism]. Moscow: Canon-Press-T: Kuchkovo Field. 286 p. [in Russian].

GARF – State Archive of the Russian Federation.

Golovin, 1910 – Golovin K.F. (1910). Moi vospominaniya [My memories]. T. II. SPb.: Tipo-litografiya T-va «Svet». 274 p. [in Russian].

Grazhdanin. 1885. № 74 – Grazhdanin. 1885. № 74. 24 oktyabrya [in Russian].

Dyakin, 1998 – Dyakin V.S. (1998). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.) [The national question in the internal policy of tsarism (XIX – early XX centuries.)]. SPb.: «LISS». 1000 p. [in Russian].

Kappeler, 2000 – Kappeler A. (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia is a multinational empire. Appearance. History. The decay]. M.: Traditsiya – Progress: Traditsiya. 342 p. [in Russian].

Katkov, 2011 – Katkov M.N. (2011). Separatizm na Kavkaze i v Zakavkaz'e est' posledstvie slabosti natsional'nogo dukha vo vnutrennei politike Rossii [Separatism in the Caucasus and Transcaucasia is a consequence of the weakness of the national spirit in Russia's domestic policy]. *Sobranie sochinenii*. T. 2. SPb.: Rostok. 896 p. [in Russian].

Katkov, 1898a – Katkov M.N. (1898). Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of editorials of the Moscow bulletin]. M.: Izdanie S.P. Katkovo. 691 p. [in Russian].

Katkov, 1898b – Katkov M.N. (1898). Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of editorials of the Moscow bulletin]. 1886. M.: Izdanie S.P. Katkovo. 691 p. [in Russian].

Korelin, 2011 – Korelin A.P. (2011). «Padeniyu monarkhii predshestvovalo chislennoe i kachestvennoe oskudenie monarkhistov...»: o prichinakh zakata Rossiiskoi imperii [“The fall of the monarchy was preceded by a numerical and qualitative impoverishment of monarchists ...”: on the reasons for the decline of the Russian Empire]. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii*. № 2. pp. 23–34 [in Russian].

Kruglyi stol, 2002 – Kruglyi stol «Natsionalizm v imperskoi Rossii: ideologicheskie modeli i diskursivnye praktiki» [Round Table “Nationalism in Imperial Russia: Ideological Models and Discourse Practices”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. № 57. pp. 426–430 [in Russian].

Leont'ev, 1886 – Leont'ev K.N. (1886). Otryvok iz pis'ma ob Ostzeiskom krae [Excerpt from a letter about the Ostsee Territory]. *Vostok, Rossiya i slavyanstvo*. T. 2. M.: Tipo-litografiya I.N. Kushnareva i K. 420 p. [in Russian].

Leont'ev, 1912 – Leont'ev K.N. (1912). Plemennaya politika, kak orudie vseмирnoi revolyutsii [Breeding policy as an instrument of the world revolution]. *Sobranie sochinenii*. T. 6. M.: Izdanie V.M. Sablina. 359 p. [in Russian].

Miller, 2006 – Miller A. (2006). Imperiya Romanovykh i natsionalizm [Romanov's Empire and Nationalism]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p. [in Russian].

OR RGB – Department of Manuscripts of the Russian State Library.

Pul'kin, 2005 – Pul'kin M.V. (2005). Tri oblika rusifikatsii v Karelii [Three forms of Russification in Karelia]. *Vestnik Evrazii. Nezavisimyi nauchnyi zhurnal*. № 3 (29). pp. 107–125 [in Russian].

Russkii konservatizm XIX stoletiya, 2000 – Russkii konservatizm XIX stoletiya: ideologiya i praktika [Russian conservatism of the XIX century: ideology and practice]. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 440 p. [in Russian].

Solousov, 2006 – Solousov A.S. (2006). Natsional'nyi vopros v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. v trudakh konservatorov [The national question in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. in the works of conservatives]. *Nauchno-tehnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki*. T. 6. № 1. pp. 101–107 [in Russian].

Sumarokova, 2016 – Sumarokova O.L. (2016). Yazykovaya politika Rossiiskoi imperii i «rusifikatsii»: k voprosu o metodologii issledovaniya [Language policy of the Russian Empire and “Russification”: to the

question of the methodology of research]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. № 2-4. pp. 122–128 [in Russian].

Tikhomirov, 1997 – *Tikhomirov L.A.* (1997). Russkoe delo i obrusenie [Russian business and Russification]. Tikhomirov L.A. *Kritika demokratii*. M.: Moskva. 672 p. [in Russian].

Khasin, 2011 – *Khasin V.V.* (2011). Natsional'nyi faktor i traditsionnoe obshchestvo v konstruirovani imperskoi ideologii v Rossii nachala XX veka [The National Factor and Traditional Society in the Design of the Imperial Ideology in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. № 5. pp. 176–180 [in Russian].

Sharapov, 2010 – *Sharapov S.F.* (2010). Samoderzhavie i samoupravlenie [Autocracy and self-government]. *Izbrannoe*. M.: ROSSPEN. 744 p. [in Russian].

Apryshchenko, 2016 – *Apryshchenko V.Y.* Idea of a nation in Eastern Europe in modern times. *Bylye Gody*. 2016. № 1 (39). pp. 83-89 [in Russian].

Chimiak, 1999 – *Chimiak L.* (1999). Gubernatorzy rosyjscy w Kro'lestwie Polskim. Szkic do portretu zbioronego. Wroclaw. 243 p.

Krot, 2013 – *Krot M.N.* (2013). Conservative Protective Program of Development of the Russian Society during the Reign of Alexander II (1860-1880s). *Bylye Gody*. № 30 (4). pp. 103–110 [in Russian].

Thaden Edward, 1981 – Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914 / Ed. By Edward C. Thaden. Princeton, NJ: Prinseton Univarcity Press, 1981. 512 p.

Русификация – pro et contra: полемика в русской консервативной мысли конца XIX века

Максим Николаевич Крот ^{a, b, *}, Наталья Валерьевна Дмитриева ^{a, b}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу воззрений представителей консервативной общественной мысли Российской империи на политику царских властей в национальных окраинах государства во второй половине XIX – начале XX вв. Авторы связывают обращение российских мыслителей к этим проблемам с двумя неразрывно связанными процессами, характеризующими и определяющими развитие Российской империи в указанный период: модернизацией и завершением строительства имперского государства. Центральные власти вынуждены были искать ответы на вызовы национализма, актуализированные общими модернизационными процессами, и разрабатывать соответствующую этим вызовам систему взаимодействия с местными элитами. Формирование модели выстраивания взаимоотношений центра и национальных окраин происходило при деятельном участии консервативно ориентированной общественности. Авторами проанализированы основные работы по обозначенной проблеме ведущих представителей русской консервативной мысли второй половины XIX – начала XX в. (М.Н. Каткова, Л.А. Тихомирова, К.Н. Леонтьева, С.Ф. Шарапова, К.Ф. Головина), что позволило сделать вывод о наличии их критического отношения к правительственной политике в национальных окраинах в исследуемый период. В своих работах обозначенные представители общественной мысли призывали придерживаться принципа умеренности, избирательности и постепенности при решении национального вопроса. Авторы приходят к выводу, что отсутствие единой точки зрения по данной проблеме, как в отечественной консервативной доктрине, так и в правительственных кругах, непосредственно занимавшихся управлением национальными окраинами, было обусловлено сочетанием стремления отстаивать имперские унитаристские ценности, лежащие в основе политики русификации, с сословно-элитаристскими принципами, от которых ни власть, ни её консервативные оппоненты в рассматриваемый период были не готовы отказаться.

Ключевые слова: русификация, консерватизм, общественное мнение, русская консервативная мысль, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров, национальные окраины, национальная политика, Российская империя, модернизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mnkrot@sfedu.ru (М.Н. Крот), nvdmitrieva@sfedu.ru (Н.В. Дмитриева)